

Е. В. Генералова

Санкт-Петербургский государственный университет

**Устойчивые сочетания,
связанные с понятийной оппозицией «прямое – кривое»,
в истории русского языка***

На материале исторических и диалектных словарей и картотек рассматривается функционирование устойчивых сочетаний, семасиологически (содержат лексемы с такими значениями) и ономасиологически (обозначают эти понятия) связанных с категориальной оппозицией «прямое – кривое». Языковой материал демонстрирует восприятие прямызни как абстрактного, непосредственного, положительно воспринимаемого качества, связанного с правдой, честностью, Богом и божественным, а кривизны – как конкретного, опосредованного, отрицательно оцениваемого свойства, интерпретируемого в связи с ложью, дьяволом, нечистой силой, ущербом, а также тяжелой работой.

Ключевые слова: русский язык, историческая лексикология, фразеология, устойчивое сочетание, понятийная оппозиция, культурная семантика.

Изучение функционирования устойчивых сочетаний (УС), связанных с категориальными, составляющими «сетку координат» модели мира понятиями, служит основой исследования познания этих свойств и выявления особенностей мировосприятия людей разных эпох. Пространственные понятия очень важны в славянской, в частности, в русской культуре; «ведущая роль пространственных характеристик в восточнославянской модели мира многократно продемонстрирована историко-культурными исследованиями и не менее доказательно закреплена в древнерусских языковых формах, унаследованных языком современным» [Лисицына, 1997, с. 132].

Понятия «прямое» и «кривое» являются значимыми для общечеловеческого менталитета, играют важную роль в практике познания, занимают существенное место в европейской и в славянской культуре. Лингвистическому выражению понятийной оппозиции «прямое – кривое» (ПК) посвящены работы Р. М. Цейтлин,

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках научного проекта № 18-512-00005 «Воздействие языкового наследия Библии на фразеологические подсистемы русского и белорусского языков (историко-этимологический, структурный, функциональный, сопоставительный аспекты)».

Генералова Елена Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Санкт-Петербургского государственного университета (Университетская наб., 7/9, Санкт-Петербург, 199034, Россия; elena-generalova@yandex.ru)

методами сравнительной лексикологии описывающей функционирование важнейших корневых групп с семантикой прямизны – кривизны в древнерусском, древнечешском и древнеболгарском языках [Цейтлин, 1990; 1996], статьи И. фон Леевен-Турновцовой о культурной семантике оппозиции [Leeuwen-Turnovcova, 1990; 1991; 1992], статья С. М. Толстой, рассматривающая культурную семантику славянского **kriv-* [Толстая, 1998], исследование Л. В. Соколовской, методами компонентного анализа описывающей семантику прилагательных с родосемей «пространство» [Соколовская, 1996].

В настоящей статье рассматриваются УС, связанные с понятийной оппозицией «прямое – кривое». Эта связь восстанавливается:

а) как семасиологическая: в состав оборота входят лексемы, обозначающие свойство прямого или кривого, использовавшиеся с такой семантикой в русском языке (*кривые сапоги; прямой угол; прямое имя* и др.);

б) ономасиологическая: семантикой УС является обозначение свойств прямизны или кривизны (*ноги колесом; прямой, как стрела* и др.).

Материалом исследования послужили данные исторических словарей и картотек, а также диалектных и фразеологических словарей.

Выделение УС в истории языка не всегда однозначно, прежде всего в связи с тем, что процесс фразеологизации носит диахронический характер. В настоящей статье используется широкое понятие «устойчивого сочетания», анализируется своего рода про-фразеологический фонд: сочетания разной степени семантической спаянности (от идиом до сочетаний на основе несвободной лексической сочетаемости), в том числе и составные наименования, которые многими исследователями выводятся за пределы собственно фразеологического фонда из-за отсутствия экспрессивного компонента и открытости таких рядов (часто с неограниченным числом компонентов). Составные наименования, которые могут быть интерпретированы как коллокации, т. е. сочетания, основанные на ограниченной взаимной сочетаемости ряда лексем, занимают фактически промежуточное положение между свободными словосочетаниями и фразеологизмами: «коллокации выходят за пределы исследования “чистой фразеологии”»; зачастую их целостность как единой номинации оказывается более значимым признаком, а под устойчивостью понимается скорее степень неслучайности совместной встречаемости слов» [Ягунова, Пивоварова, 2011].

Основным критерием выделения таких сочетаний в истории языка послужила устойчивость, т. е. частая встречаемость в историческом тексте (и, соответственно, воспроизводимость). Семантический сдвиг, наличие переноса, образа является возможным, но не обязательным фактором, так же как и экспрессивная функция оборота.

1. Устойчивые сочетания, семасиологически связанные с понятиями «прямое» и «кривое»

1.1. Фразеологизация основана на прямом и переносном значении лексем, связанных с оппозицией ПК. Среди УС, семасиологически связанных с понятийной оппозицией ПК, рассмотрим прежде всего сочетания, в основе устойчивости которых прямое значение входящих в него лексем.

Во-первых, это составные наименования, построенные по модели «имя прилагательное с семантикой ‘прямой / кривой’ + имя существительное». Значительное количество таких УС как в истории языка, так и в современном русском языке доказывает значимость признака прямизны / кривизны в человеческой практике. В истории языка большинство таких сочетаний фиксируется в памятниках русского языка XVII в., что объясняется не только количеством и характером памятников, дошедших от древнерусского и старорусского периодов, но и увеличением

количества лексики терминологического характера в русском языке XVII столетия в связи с бурным развитием ремесел и промышленности в России в этот период. В текстах XVII в. известны устойчивые сочетания *кривые башмаки (сапоги, обуви)* ‘обувь, сшитая по «кривой» колодке, для левой и правой ноги’: *А у кресел стояли на коврике башмаки его, кривые, бархатные, черные* (Посольство Толочанова, 1651 г.), *сапоги женские кривые и прямые* (Там. кн. Тихв. м., 1663 г.) [СлРЯ, т. 8, с. 55] и противоположные им *прямые башмаки (сапоги, обуви)* ‘обувь, сшитая по симметричной колодке, на одну ногу: *обувеи женских кривых и прямых красных* (Там. кн. Тихв. м., 1669 г.) [СлРЯ, т. 21, с. 29]. Эти сочетания не сохранились в литературном языке, однако хорошо известны в диалектах: см. воронежское *прямая колодка* ‘одна колодка на пару обуви’ [СРНГ, т. 33, с. 86], нижегородское *кривая колодка*, нижегор., самарское *кривые лапти* ‘мужские лапти, в отличие от «прямых» женских лаптей’ [СРНГ, т. 15, с. 245] и развитие образа – костромское *на кривую колодку сляпан (сработан)* ‘о неуживчивом человеке’ [Там же, с. 246].

Ряд составных наименований включает прилагательное *косой*, известное как обозначение кривизны с праславянского периода. Корню **-kos-* семантика кривизны свойственна в самый древний период: А. Е. Супрун указывает, что прилагательное **kosъ* в праславянском характеризовало особенности формы [Супрун, 1989, с. 211]. Это значение распространено практически во всех славянских языках: **kosъ(jь)* ‘кривой, изогнутый’ (македонский, чешский, словенский, польский, словацкий, древнерусский, русский, украинский, белорусский, верхнелужицкий, нижнелужицкий). Исследователи отмечают определенную близость значений основ *-крив-* и *-кос-*: «*кривой* и *косой* в пространственном значении выступают как частичные синонимы» [Толстая, 1998, с. 218], об известном синкретизме *-крив-* и *-кос-* пишет В. В. Колесов [1991, с. 41]; однако специфика семантики **-kos-* заключалась в том, что в праславянском **-kos-* обозначал кривизну как перекошенность, отклонение от симметрии (см. и значения древнейших сложений корня с основами, обозначающими части тела). В русском языке в XVI–XVII вв. употребление лексем с основой *-кос-* активизируется, причем основной семантикой становится не древнее значение ‘отклоняющийся от симметрии’, а значение ‘отклоняющийся от ортогональности’, появление которого связано с постепенным и более глубоким познанием признака прямизны / кривизны, накоплением тригонометрических знаний.

Ввиду специфичности обозначаемого вида кривизны, с прилагательным *косой* образуется самое большое (по сравнению с другими лексемами, связанными с оппозицией ПК) количество словосочетаний терминологического характера. В истории русского языка известны УС *косая городня, косая стена, косой острогъ* ‘изгородь, стена, забор, укрепление из наклонно поставленных жердей, бревен’ (ДАИ, 1629 г.; Арх. Гамеля, 1638 г.), *косая лестница* ‘прямая наклонная лестница (в отличие от винтовой)’ (Арх. Стр., 1634 г.) (интересно, что здесь *косой* противоположно по значению кривому, извитому), *косая вода* ‘невысокая, неравномерно спадающая полая вода’ (СГГД, 1653 г.), *косая сажень* ‘мера длины, приблизительно равная 216 см, измеряемая наискось от носка правой ноги до конца среднего пальца вытянутой руки’ противопоставлена *прямой сажени* ‘мера длины, равная 300 см’: *А сдѣлана башня о шти стѣнахъ, а стѣна, и съ углы по три сажени, стѣна прямыхъ сажень, а не косыхъ* (АМГ, 1638 г.) [СлРЯ, т. 21, с. 30], *косой пирогъ* ‘слоеный пирог, состоящий из блинов с начинкой, имеющий неправильную форму’ (Кн. расх. куш. Андр., 1698 г.), *косой воротъ* ‘стоячий воротник, застегивающийся сбоку’ (АФЗХ, ч. II, 1565 г.), *травья косые* ‘особый узор’ (Выходы ц. в. к., 1649 г.; 1659 г.), *косой дождь* ‘дождь, идущий не под прямым углом’ (Сим. Посл., XVII в.). УС с прилагательным *косой* известны и в диалектах: *косой платок* ‘косынка, треугольный платок’, *косой ветер* ‘боковой ветер’, *прямой / ко-*

сой парус ‘четырёхугольный / треугольный парус’ [Даль, т. 2, с. 174], *косой тын* [ПОС, т. 15, с. 318]. Тенденция к образованию таких устойчивых сочетаний прослеживается и в современном русском языке: см. *прямой / косой пробор* ‘проходящая посередине / наискось линия, образующаяся между расчесанными на две стороны волосами’ и др.

Большое количество терминологических сочетаний с *косой*, возможно, связано и с тем, что за счет достаточно специфической семантики, лежащей иногда на границе значений ‘прямой’ и ‘кривой’, в значении *-кос-* в меньшей степени, чем в значении *-крив-*, присутствует идея ненормативности, ущерба. Неслучайно прилагательное *косой* и производные в наименьшей степени развивают переносные значения в истории русского языка. Наклонное, имеющее скос, далеко не всегда неправильно, может быть и нормативным. Поэтому сочетания с прилагательным *косой* могут не противопоставляться сочетаниям с *прямой* или *правый*, а лишь называть какую-то реалию, уточняя, подчеркивая ее отличительный признак.

С постепенным познанием проявлений неоднородного признака кривизны и развитием знаний об углах связано и появление устойчивого сочетания *прямой угол* ‘угол, образованный пересечением перпендикулярных прямых’. Это сочетание терминологизируется с XVI в. (см. в аналогичных более ранних контекстах речь идет о правильности формы, но не об ортогональности: *прямья оуглы премъняюще* (о сотах пчел) (Гр. Наз. с толк. Ник. Ир., XIV в.) [СлРЯ, т. 21, с. 29]). К XVI в. восходит и сложение *прямоугольный*, образованное на базе данного УС.

Другой тип составных наименований, непосредственно связанных с обозначением признака прямизны / кривизны, включает существительное конкретного значения, обозначающее различные искривленные предметы и согласующееся с ними конкретизирующее их прилагательное: см. сочетания с лексемами *крюк* и *крючок*, *дуга* и *дужка*. Первая фиксация лексемы *крюкъ* (*крукъ*) относится к 1471 г. В памятниках XVI–XVII вв. для конкретизации значения слово *крюкъ* часто использовалось с различными выделяющими определениями в УС: *крюкъ удебный* ‘рыболовный крючок’, *крюкъ весовой* ‘весы’, *крюкъ сопцовый, сопъжный* ‘упор для весла из комля с перпендикулярным ему корнем’ [СлРЯ, т. 8, с. 97–98] и др. (ср. современное *спусковой крючок*). Как обозначение предметов характерной формы известно и слово *дуга*. В древнейших памятниках слово фиксируется в устойчивом сочетании *дуга небесная* ‘радуга’, в деловых памятниках XVI–XVII вв. лексемы *дуга* и *дужка* известны в специальных УС *дуга котельная* ‘ручка для котла изогнутой формы’, *дуга (дужка) црренная (церренная, цыренная)* ‘приспособление, с помощью которого над варничной печью подвешивается большая сковорода для выпаривания соли’, *дуга кожушина* ‘выгнутая часть свода печи’ [СОРЯ, т. 6, с. 70–72].

Составные наименования, включающие существительные-обозначения предметов по признаку прямизны-кривизны, почти не образуются в подгруппе прямизны, что позволяет сделать предположение о восприятии признака кривизны как более конкретного. Это связано с объективной неоднородностью признака кривизны и разнотипностью его проявлений.

Устойчивые сочетания, которые образуются на основе переносных значений лексем, связанных с понятийной оппозицией ПК, фиксируются в большинстве своем позже, в национальный период развития языка (см. *кривить душой, кривое зеркало, прямая / косвенная речь*). В старорусском языке лексемы, связанные с понятием прямизны, последовательно развивают значения ‘честный, истинный’, в связи с чем возникают следующие УС: *и прямь и правдою (служить)*, *прямое имя* ‘настоящее, полное имя’ (*И ты меня спросила прямое ли имя Овдоця и я тебѣ сказала что прямое.* – МДБП, 1641 г.), *прямые деньги* ‘настоящие, офици-

ально принятые при расчетах средства оплаты, обращения' (*Я бы видяль, что прямые денги взять мошно*. – В-К III, 1645 г.) [КСОРЯ], *прямой царь* 'настоящий, истинный правитель, не самозванец' (*Войско ему отказаша: Так де присылают не цари, шишиморы. Коли де ты прямой царь, или воинь, и ты де поиди самъ и возми своєю главою... а не грозами, и кров свою также пролей* – Аз. пов., 34, XVII в.) [КДРС].

Лексемы, связанные с понятийной оппозицией ПК, в истории языка достаточно рано и последовательно обнаруживают связь с понятиями 'Бог, божественное' и 'дьявол, нечистая сила'. Уже в древнерусском языке возникают устойчивые сочетания *правая вѣра* и *кривая вѣра*, на базе которых образуются соответствующие сложения для обозначения православия как истинной веры и ереси как отклонения от нее. Характерно, что для УС, фразеологизация которых основана на переносном значении лексем подгрупп ПК, можно говорить об общей сильной положительной / отрицательной коннотации. Как пишет Р. М. Цейтлин, «в основе – противопоставление добра (истинного, Бога), прямого, правдивого, справедливого, и зла (антипода Бога), кривого, неправдивого, несправедливого» [Цейтлин, 1996, с. 191].

1.2. Фразеологизация основана на метафорическом осмыслении словосочетания. Отдельную группу составляют сочетания, в которых переносное значение образуется на основе метафорического осмысления словосочетания в целом, т. е. фактически фразеологизмы в узком смысле. Здесь можно выделить следующие модели.

1.2.1. Прямизна / кривизна пути – правда / ложь, вранье. Ряд сочетаний исходно обозначает прямую, кратчайшую / кривую, объездную дорогу. Собственно, такие сочетания могут быть интерпретированы и как свободные, но нельзя не указать на частую совместную встречаемость лексем *прямой* (*прямохожий, прямоезжий*) *путь* и *кривая* (*окольная*) *дорога* (*дороженька*). Образ прямого пути оказывается очень важным в славянском восприятии прямизны и служит основой образования переносных значений сочетаний *прямым / кривым путем*, см.: *прямая дорога, прямой путь* 'о правильных и честных средствах достижения чего-л.; о честной жизни кого-л.'; *кривым путем* 'о непрямых, обходных средствах достижения чего-л.'. Именно образ прямого пути лежал в основе понятия прямизны в древности (ср. современное понятие о прямой линии в основе современного понятия о прямизне). Принципиальна гипотеза Р. М. Цейтлин о том, что изначально путь мыслился именно прямым, понятие пути как проложенной, ведущей, прямой (кратчайшей) дороги восходит к глубокой древности, что находит отражение и в этимологии ряда лексем со значением пути, дороги, тропы, прохода в индоевропейских языках, в том числе и славянских [Цейтлин, 1996, с. 141]. Положительная оценка прямого пути имеет место и в пословицах (*Бог дал путь, а чорт кинул крюк*), и в семантике лексем, связанных с обозначением собственно пути (см. *беспутный* 'не имеющий пути, дороги' > перен. 'безрассудный', 'легкомысленный', лексемы с корнем *-блуд-*, обозначающие отклонения от прямого пути в прямом и переносном смысле, и др.).

Ввиду метафоричности древних текстов, обусловленной библейской образностью, в ряде случаев трудно провести границу между прямой и переносной семантикой сочетаний, обозначающих прямой / кривой путь, см.: *Поиде по правьднууму пути и прѣложу стрѣпътная на правость и жестокъ въ пути гладькы* (Псалт. Чуд., XI в.) [СлРЯ, т. 18, с. 120]. На сложность подобных контекстов в связи с «возможностью двоякого толкования слова в контексте... разноплановостью понятийно-семантических категорий... причудливым совмещением абстрактных обобщений христианской догматики и реальных фактов, возможных в действительности» обращает внимание Н. Г. Михайловская как раз в связи с выяснением значения сочетания *правый путь* [Михайловская, 1968, с. 99]. Од-

нако восприятие прямого пути как правильного образа жизни, несомненно, имело место уже в древнейший период.

1.2.2. *Ехать на «кривой» лошади (с физическими недостатками) – полагаться на судьбу, случай.* Истории русских фразеологизмов *куда кривая вывезет (выведет, вынесет)* ‘так, как случится’, *кривая вывезет (вынесет)* ‘кому-л. повезет’, *на кривой не объедешь* (в пословицах) ‘не избежишь встречи (как судьбы)’ вызвала интерес многих исследователей. В «Историко-этимологическом словаре» А. К. Бириха, В. М. Мокиенко, Л. И. Степановой представлено пять версий происхождения этого выражения: исходная его форма может быть реконструирована как «на кривой лошади не объедешь» или «как на кривой козе не объедешь», лексема же *кривая* интерпретируется как ‘слепая и старая (лошадь)’; как ‘хромая (лошадь)’; в связи с кривыми, гнутыми оглоблями; в связи с окольным, кривым путем [Русская фразеология, с. 358]. Нам кажется убедительной версия В. М. Мокиенко, по которой *кривая* – ‘хромая лошадь’ [Мокиенко, 1998, с. 272–279], т. е. версия в связи с древней мифологической семантикой кривого как ущербного. В памятниках русского языка выражение не обнаруживается, фиксируется в письменных источниках только с XIX в.

1.2.3. *Кривизна мышц, искривленное выражение лица – ложь, неискренность.* В некоторых устойчивых сочетаниях, включающих прилагательные подгруппы кривизны, метафоризация возникает на основе осмысления соответствующего выражения лица, мимики, гримасы как выражения неискренности: *криво улыбаться, усмехаться* ‘улыбаться неискренно, принужденно’, *косая (кривая) улыбка, усмешка* ‘неискренняя, принужденная улыбка, усмешка, выражающие презрение, недовольство’, *косой взгляд* ‘подозрительное, недоверчивое; недовольное выражение лица’. В памятниках русского языка такие сочетания не фиксируются, возникая позже с появлением внимания к внутренней, эмоциональной жизни человека. Ср. в «Словаре русского языка XVIII в.» с пометой «входящее в употребление» указаны лексемы *кривляться* (значение ‘становиться кривым’, напротив, устаревает), *кривляние, кривляка* и УС *кривить рот, нос, губы* ‘делать гримасы’ [СРЯ 18 в., т. 11, с. 13]. Представляется, однако, что такая семантика может быть рассмотрена и в связи с древней, мифологической семантикой ущерба, присущей лексемам подгруппы кривизны: см. *Избави насъ, Боже, отъ лыса, коса, рыжа и кривоноса!* [Даль, т. 2, с. 194]. Д. К. Зеленин пишет: «У русских кое-где известно подставное имя для черта – *косой*. *Косой же возьми!* (брань). *Косой* означает в великорусских говорах также и врага, кто косо смотрит» [Зеленин, 1930, с. 96].

1.2.4. *Согнутая спина – тяжелый труд.* В памятниках русского языка донационального периода УС с такой семантикой неизвестны, однако в диалектах и в современном русском языке фиксируются обороты, в которых переносное значение ‘тяжело работать, трудиться’ возникает на основе характерной позы: *гнуть спину (хребет, горб)* ‘выполнять тяжелую работу, трудиться до изнеможения, без отдыха’ (ср. *горбатиться*), *работать не разгибая спины* ‘трудиться без отдыха’ (ср синонимичное *работать не покладая рук*) и др.

2. Устойчивые сочетания,

ономастиологически связанные с понятиями «прямое» и «кривое»

Большинство УС, обозначающих физическое свойство прямизны/кривизны, образуются на основе описания характерной формы или сравнения с предметом, имеющим такую форму.

В «Словаре фразеологических синонимов русского языка» в качестве синонимов к прилагательному *кривоногий* в современном русском языке указываются сочетания *ножки как кавычки, ноги колесом, ноги как дуги, ноги ижицей, ноги в разные стороны играют* [Бирих и др., 2009, с. 23]. В «Словаре сравнений рус-

ского языка» В. М. Мокиенко приводит сравнения со значениями 'прямой' и 'кривой', демонстрирующие образность восприятия этих качеств. Таких сравнений значительно больше в подгруппе прямизны: см. *прямой как (верстовой) столб, веха, жердь, кол, линейка, свеча, свечка, стрела, струна, струнка, шест; прям как дуга* [Мокиенко, 2003, с. 570], ср.: *кривой как полумесяц, как турецкий ятаган* [Там же, с. 545].

Механизм образования таких сочетаний близок адвербиализации в истории языка существительных с семантикой 'предмет характерной формы' в форме творительного падежа единственного числа в истории языка. См. появление в языке XVI–XVII вв. новых лексем *крюкомъ* 'в виде крюка, искривлённо': *И отъ того удара жилы и персты сволокло крюкомъ* (АХУ I, 1687 г.) [СлРЯ, т. 8, с. 98], *локтемъ* 'в виде локтя, с изгибом, излучиной': *А за рѣкою Боронеземъ на локтинѣ, что поворотила рѣка отъ Борцевой слободы къ монастырю локтемъ на берегу на дубъ* (Тамб. арх. XXV, 1664 г.) [СлРЯ, т. 8, с. 277], *изгибью* 'с извилами, извилисто': *Пала в реку Вычегду река Немь; протоку Неме реки 470 верст, текла изгибью криво* (Кн. Б. Чертежу (С), 1627 г.) [СлРЯ, т. 6, с. 135], *калачемъ* 'круто загнутые'; *коломъ* 'прямо, вертикально': *И коломъ поставльше веру леду древета велика* (Пролог, XV в.) [СлРЯ, т. 7, с. 231].

Такие наречия никогда не обозначали направление (ср. наречие *прямо*), только форму. Само их появление показывает процесс осмысления абстрактного физического свойства на основе конкретных представлений. В этом же русле находится и образование УС со значениями 'прямой/кривой' в современном языке на базе обозначения формы характерных предметов.

Таким образом, изучение УС, связанных с полем прямизны – кривизны, поясняет восприятие этих свойств, культурную семантику соответствующих понятий. Языковой материал демонстрирует, что прямизна воспринималась как абстрактное, непосредственное, однотипное (имеющее небольшое количество конкретных проявлений), положительно воспринимаемое качество, в основе которого в древности лежал образ прямого пути и которое было интерпретировано в связи с правдой, честностью, Богом и божественным, нормой, здоровьем, полноценностью, а кривизна – как конкретное, опосредованное, разнотипное отрицательно оцениваемое свойство, интерпретируемое в связи с ложью, дьяволом, нечистой силой, болезнью, ущербом, а также тяжелой работой.

Список литературы

Зеленин Д. К. Табу слов у народов восточной Европы и северной Азии // Сб. Музея антропологии и этнографии. Л.: Изд-во АН СССР, 1930. Т. 9, вып. 2. С. 3–166.

Колесов В. В. Семантический синкретизм как категория языка // Вестн. Ленингр. гос. ун-та. Сер. 2. История. Языкознание. Литературоведение. 1991. № 2. С. 40–49.

Лисицына Т. А. Пространственные образы жизненного мира в языке науки и искусства XVIII века // Исторический источник: человек и пространство: Тез. докл. и сообщений науч. конф., Москва, 3–5 февраля 1997 г. М., 1997. С. 132–135.

Михайловская Н. Г. О тематическом употреблении некоторых синонимичных прилагательных в языке древнерусских памятников XI–XVII веков // Русская историческая лесикология: Сб. ст. / Под ред. С. Г. Бархударова. М.: Наука, 1968. С. 96–103.

Мокиенко В. М. От авось до ятя. Почему так говорят?: Справ. по русской идиоматике. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1998. 512 с.

Соколовская Л. В. История слов с корнем -лук- / -ляк- в русском языке XI–XX вв. (семантический аспект): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пермь: Перм. гос. ун-т, 1996. 16 с.

Супрун А. Е. Введение в славянскую филологию. Минск: Выш. шк., 1989. 432 с.

Толстая С. М. Культурная семантика славянского *křiv- // Слово и культура: Памяти Н. И. Толстого / Под ред. Т. А. Агапкиной, А. Ф. Журавлевой, С. М. Толстой. М.: Индрик, 1998. Т. 2. С. 215–230.

Цейтлин Р. М. Корневые лексико-семантические группы со значениями прямызны – кривизны в древних славянских языках // Старобългаристика. 1990. № 1. С. 91–105.

Цейтлин Р. М. Сравнительная лексикология славянских языков X/XI–XIV/XV вв. М.: Наука, 1996. 232 с.

Ягунова Е. В., Пивоварова Л. М. От коллокаций к конструкциям // Русский язык: конструкционные и лексико-семантические подходы / Отв. ред. С. С. Сай. СПб., 2011. (Acta linguistica Petropolitana; Тр. ИЛИ РАН / Отв. ред. Н. Н. Казанский).

Leeuwen-Turnovcova I. Rechts und Links in Europa. Berlin, 1990. 280 S.

Leeuwen-Turnovcova I. Krumm und Drehen im Kulturparadigma der Ordnung // Znakolog. 1991. No. 3. S. 131–166.

Leeuwen-Turnovcova I. Warum ist das Recht gerade? // Zeitschrift für slavische Philologie. 1992. No. 51. S. 52–73.

Список словарей и картотек

Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Словарь фразеологических синонимов русского языка / Под ред. В. М. Мокиенко. М.: АСТ-пресс Книга, 2009.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. 4-е изд., стереотип. М.: Рус. яз.: Медиа, 2007.

КДРС – Картотека древнерусского словаря (Институт русского языка им. В. В. Виноградова).

КСОРЯ – Картотека «Словаря обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв.» (СПбГУ, Межкафедральный словарный кабинет им. проф. Б. А. Ларина).

Мокиенко В. М. Словарь сравнений русского языка. СПб.: Норинт, 2003.

ПОС – Псковский областной словарь с историческими данными. Т. 1–26. Л.; СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1967–.

СлРЯ – Словарь русского языка XI–XVII вв. Т. 1–30. М.: Наука, 1975–.

СОРЯ – Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв. Т. 1–7. СПб.: Наука. 2004–.

СРНГ – Словарь русских народных говоров. Т. 1–43. Л., СПб.: Наука. 1965–.

СРЯ 18 в. – Словарь русского языка XVIII века. Т. 1–20. Л.; СПб.: Наука, 1984–.

Русская фразеология – Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Русская фразеология: Историко-этимологический словарь. М.: АСТ: Астрель, 2005.

Список источников

Аз. пов. – Орлов А. Исторические и поэтические повести об Азове. Тексты. М., 1906.

АМГ – Акты Московского государства. СПб.: Изд-во Академии наук, 1890–1901.

Арх. Гамеля – Собрание Гамеля // ЛОИИ. Ф. Г75.

- Арх. Стр. – Архив П. М. Строева. Пг., 1915, 1917 // РИБ. Т. 32, 35.
- АФЗХ – Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI вв. / Подгот. к печати Л. В. Черепнин, А. А. Зимин. Ч. I–II. М., 1951–1956.
- АХУ I – Акты Холмогорской и Устюжской епархий. Ч. 1. (РИБ. Т. 12). СПб., 1890.
- В-К III – Вести-Куранты 1645–1646, 1648 гг. / Изд. подгот. Н. И. Тарабасова, В. Г. Демьянов; под ред. С. И. Коткова. М., 1980.
- Выходы ц. в. к. – Выходы государей царей и великих князей Михаила Феодоровича, Алексея Михайловича, Федора Алексеевича всея Руси самодержцев (1632–1682 гг.) / Сообщ. П. М. Строев. М., 1844.
- Гр. Наз. с толк. Ник. Ир. – 16 слов Григория Богослова с толкованиями Никиты Ираклийского // ГИМ. Син. № 954. Л. 1–213 [XIV в.].
- ДАИ – Дополнения к Актам историческим, собр. и изд. Археограф. комиссией. Т. 2–12. СПб., 1846–1875.
- Кн. Б. Чертежу (С) – Книга Большому Чертежу / Подгот. к печати и ред. К. Б. Сербиной. М.; Л., 1950.
- Кн. расх. куш. Андр. – Расходная книга Патриаршего приказа кушаньям, подававшимся патриарху Адриану и разного чина лицам с сентября 1698 по август 1699 г. / Под ред. А. А. Титова. СПб., 1890.
- МДБП – Московская деловая и бытовая письменность XVII в. / Изд. подгот. С. И. Котков, А. С. Орешников, И. С. Филиппова. М., 1968.
- Посольство Толочанова – Посольство стольника Толочанова и дьяка Иевлева в Имеретию (1650–1652) / Документы издал и введением снабдил М. Полиевктов. Тифлис, 1926. (Международ. снош. Грузии с иноземн. странами; вып. 1).
- Псалт. Чуд. – Псалтырь с толкованиями Феодорита Кирского («Чудовская») // ГИМ. Чуд. 7. Л. 1–176. XI в. (Изд.: *Погорелов В.* Чудовская псалтырь XI в. СПб., 1910).
- СГГД – Собрание государственных грамот и договоров, хранящиеся в гос. Коллегии иностранных дел. М., 1813–1894.
- Сим. Посл. – Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII–XIX ст. / Собрал П. Симони // Сб. ОРЯС. СПб., 1899. Т. 66, № 7.
- Там. кн. Тихв. м. – Таможенные книги Успенского Тихвинского монастыря XVII в. // Рукоп. ЛОИИ. Ф. 132. Оп. 2.
- Тамб. Арх. – Изв. Тамбовской архивной ученой комиссии. Тамбов, 1888–1889.

E. V. Generalova

*Saint Petersburg University
Saint Petersburg, Russian Federation, elena-generalova@yandex.ru*

**Fixed word combinations dealing with the mental opposition “straight – curved”
in the history of the Russian language**

The paper deals with the fixed word combinations connected with the conceptual opposition “straight – curved” in semantic aspect (the fixed word combinations include the words used in Russian with semantic meaning of “straight” or “curved”), etymological aspect (the fixed word combinations originating from the concepts of “straight” or “curved”), and onomasiological aspect (the semantics of fixed word combinations is the designation of straightness or curvature properties). The research analyses the data of historical dictionaries, card files, and dialect and phraseological dictionaries. The collocations including the lexemes with the semantics of “straight” or “curved” in a direct sense are mainly compound names, nomenclature designations of objects. In the history of Russian language, the word combinations, the phraseologization of which is based on a figurative meaning of lexemes of “straightness and curvature,” realize

primarily the metaphoric models “straight / curved – truth / lie,” “straight / curved – God / devil,” “straight / curved – order, norm / disorder, deviation from the norm.” In a number of phraseological units, the figurative sense is based on the metaphorical understanding of the phrase as a whole. The fixed word combinations denoting the physical characteristics of “straightness / curvature” are formed based on the description of a specific form or comparison with an object having such a shape. The analysis shows that the straightness was perceived as an abstract, direct, homogeneous (having a small number of concrete manifestations), positively marked quality based on the image of a direct way in the ancient time, interpreted in connection with truth, honesty, God and divine. And the curvature was perceived as a concrete, mediated, polytypic negatively estimated quality, interpreted in connection with the lie, devil, evil, and also hard work.

Keywords: Russian language, historical lexicology, phraseology, fixed word combination, mental opposition, cultural semantics.

DOI 10.17223/18137083/69/21

References

Kolesov V. V. Semanticheskiy sinkretizm kak kategoriya yazyka [Semantic syncretism as a category of language]. *Vestn. Leningr. gos. univ. Ser. 2. Istoriya. Yazykoznaniye. Literaturovedeniye*. Leningrad, no. 2, pp. 40–49.

Leeuwen-Turnovcova I. Krumm und Drehen im Kulturparadigma der Ordnung. *Znakolog*. 1991, no. 3, pp. 131–166.

Leeuwen-Turnovcova I. *Rechts und Links in Europa*. Berlin, 1990, 280 p.

Leeuwen-Turnovcova I. Warum ist das Recht gerade? *Zeitschrift für slavische Philologie*. 1992, no. 51, pp. 52–73.

Lisitsyna T. A. Prostranstvennyye obrazy zhiznennogo mira v yazyke nauki i iskusstva XVIII veka [Spatial images of the vital world in the language of science and art of the 18th century]. In: *Istoricheskiy istochnik: chelovek i prostranstvo: Tez. dokl. i soobshcheniy nauch. konf., Moskva, 3–5 fevralya 1997 g.* [Historical source: man and space: Proc. report and messages of scientific conf., Moscow, Febr. 3–5, 1997, Moscow]. Moscow, 1997, pp. 132–135.

Mikhaylovskaya N. G. O tematicheskoy upotreblenii nekotorykh sinonimichnykh prilagatel'nykh v yazyke drevnerusskikh pamyatnikov XI–XVII vekov [On the thematic use of some synonymous adjectives in the language of ancient Russian monuments of the 11–17th centuries]. In: *Russkaya istoricheskaya leksikologiya: Sb. st.* [Russian historical foresticology: Coll. of art.]. S. G. Barkhudarov (Ed.). Moscow, Nauka, 1968, pp. 96–103.

Mokiyenko V. M. *Ot avosya do yatya. Pochemu tak govoryat?: Sprav. po russkoy idiomatike* [From Avos to Yat. Why do they say so?: Handbook of Russian idiomatics]. St. Petersburg, SPbU Publ., 1998, 512 p.

Sokolovskaya L. V. *Istoriya slov s kornem -luk-/-lyak- v russkom yazyke XI–XX vv. (semanticheskiy aspekt)* [History of words with the root luk-/-lyak- in Russian of 11–20th centuries (semantic aspect)]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Perm, PSU, 1996, 16 p.

Suprun A. E. *Vvedenie v slavyanskuyu filologiyu* [Introduction to Slavic Philology]. Minsk, Vysh. shk., 1989, 432 p.

Tolstaya S. M. Kul'turnaya semantika slavyanskogo *kriv- [Cultural semantics of Slavic *kriv-]. In: *Slovo i kul'tura: Pamyati N. I. Tolstogo* [Word and culture: in memory of N. I. Tolstoy]. T. A. Agapkina, A. F. Zhuravlev, S. M. Tolstaya (Eds.). Moscow, Indrik, 1998, vol. 2, pp. 215–230.

Tseytlin R. M. Kornevye leksiko-semanticheskie gruppy so znacheniyami pryamizny – krivizny v drevnikh slavyanskikh yazykakh [Root Lexico-Semantic Groups with Straight Values – Curvatures in the Ancient Slavic Languages]. *Paleobulgarica*. 1990, no. 1, pp. 91–105.

Tseytlin R. M. *Sravnitel'naya leksikologiya slavyanskikh yazykov X/XI–XIV/XV vv.* [Comparative Lexicology of Slavic languages of 10/11–14/15th centuries]. Moscow, Nauka, 1996, 232 p.

Yagunova E. V., Pivovarova L. M. Ot kollokatsiy k konstruktsiyam [From collocations to structures]. In: *Pusskiy yazyk: konstruktsionnyye i leksiko-semanticheskiye podkhody* [Russian language: constructional and lexico-semantic approaches]. S. S. Say (Ed.). St. Petersburg, 2011. (Acta linguistica Petropolitana; Tr. ILI RAN. N. N. Kazanskiy (Ed.)).

Zelenin D. K. Tabu slov u narodov vostochnoy Evropy i severnoy Azii [Tabu of words among the peoples of Eastern Europe and North Asia]. In: *Sbornik Muzeya antropologii i etnografii* [Collection of Museum of Anthropology and Ethnography]. Leningrad, AN SSSR, 1930, vol. 9, iss. 2, pp. 3–166.

List of dictionaries and card files

Birikh A. K., Mokiyenko V. M., Stepanova L. I. *Slovar' frazeologicheskikh sinonimov russkogo yazyka* [Dictionary of Phraseological synonyms of Russian language]. V. M. Mokienko (Ed.). Moscow, AST-press Kniga, 2009.

Birikh A. K., Mokiyenko V. M., Stepanova L. I. *Russkaya frazeologiya: Istoriko-etimologicheskii slovar'* [Russian phraseology: Historical and etymological dictionary]. Moscow, AST, Astrel', 2005.

Dal' V. I. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: V 4 t. 4-e izd., stereotip.* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language: in 4 vols. 4th ed., stereot.]. Moscow, Rus. yaz., Media, 2007.

Kartoteka Drevnerusskogo yazyka [Card file of the Dictionary of Old-Russian Language] (Inst. russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova).

Kartoteka "Slovara obikhodnogo russkogo yazyka Moskovskoy Rusi XVI–XVII vv." ["Card file "Dictionary of everyday Russian of the Moscow Russia of the 16–17th centuries"] (SPbGU, Mezkhafedra'lnyy Slovarnyy kabinet im. prof. B. A. Larina).

Mokienko V. M. *Slovar' sravneniy russkogo yazyka* [Dictionary of Comparisons of Russian language]. St. Petersburg, Norint, 2003.

Pskovskiy oblastnoy slovar' s istoricheskimi dannymi [Pskov Regional dictionary with historical data]. Vols 1–26. Leningrad, St. Petersburg, SPbU Publ., 1967–.

Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv. [Dictionary of Russian of the 11–17th centuries]. Vols 1–30. Moscow, Nauka, 1975–.

Slovar' russkikh narodnykh govorov [Dictionary of Russian folk dialects]. Vols 1–43. Leningrad, St. Petersburg, Nauka, 1965–.

Slovar' obikhodnogo russkogo yazyka Moskovskoy Rusi XVI–XVII vv. [Dictionary of everyday Russian of the Moscow Russia of the 16–17th centuries]. Vols 1–7. St. Petersburg, Nauka, 2004–.

Slovar' russkogo yazyka XVIII veka [Dictionary of Russian of the 18th century]. Vols 1–20. Leningrad, St. Petersburg, Nauka, 1984–.

List of sources

16 slov Grigoriya Bogoslova s tolkovaniyami Nikity Irakliyskogo [16 words of Gregory the theologian, Nikita Gerakleyskiy interpretations]. GIM. Sin. No. 954. L. 1–213 [XIV v.].

Arkhiv P. M. Stroeva [Archive of P. M. Stroev]. Petrograd, 1915, 1917, RIB, vols 32, 35.

Akty Moskovskogo gosudarstva [Acts of Moscow State]. St. Petersburg, Izd. Akademii nauk, 1890–1901.

Akty feodal'nogo zemlevladieniya i khozyaystva XIV–XVI vv. [Acts of feudal land tenure and agriculture of the 14–16th centuries]. L. V. Cherepnin, A. A. Zimin (Prep. for print.). Pts. 1–2, Moscow, 1951–1956.

Akty Kholmogorskoy i Ustyuzhskoy eparkhiy. Ch. 1 [Acts of the Kholmogorsk and Ustyuzh Dioceses. Pt 1]. (RIB. Vol. 12). St. Petersburg, 1890.

Dopolneniya k Aktam istoricheskim, sobr. i izd. Arkheograf. komis. [Additions to the Historical Acts. Coll. and ed. by archaeological commission]. Vols 2–12. St. Petersburg, 1846–1875.

Izvestiya Tambovskoy arkhivnoy uchenoy komissii [News of Tambov archival scientific commission]. Tambov, 1888–1889.

Kniga Bol'shomu Chertezhu [The Book of the Great Drawing]. K. B. Serbina (Prep. for the print, ed.). Moscow, Leningrad, 1950.

Moskovskaya delovaya i bytovaya pis'mennost' XVII v. [Moscow business and consumer writing of 17th century]. S. I. Kotkov, A. S. Oreshnikov, I. S. Filippova (Comps). Moscow, 1968.

Orlov A. *Istoricheskiye i poeticheskiye povesti ob Azove. Teksty* [Historical and poetic stories of Azov. Texts]. Moscow, 1906.

Posol'stvo stol'nika Tolochanova i d'yaka Ievleva v Imeretiyu (1650–1652) [Embassy of Tolochanov and Ievlev in Imereti (1650–1652)]. M. Poliyevktov (Intr. Art., Ed.). Tiflis, 1926. (Mezhdunar. snosh. Gruzii s inozemn. stranami; iss. 1).

Psaltyr' s tolkovaniyami Fedorita Kirrskogo ("Chudovskaya") [Psalter with interpretations of the Fedorit Kirrskiy ("Chudovskaya")]. GIM. Chud. 7. L. 1–176. XI v. (Izd.: Pogorelov V. Chudovskaya psaltyr' XI v. St. Petersburg, 1910).

Raskhodnaya kniga Patriarshego prikaza kushan'yam, podavavshimsya patriarkhu Adrianu i raznogo china litsam s sent. 1698 po avg. 1699 g. [Book a shipment of the patriarchal order foods, served to Patriarch Adrian and rank individuals with Sept. 1698 on Aug. 1699 g]. A. A. Titov (Ed.). St. Petersburg, 1890.

Sobranie Gamelya [Gamel Collection]. LOII. F. G75.

Sobranie gosudarstvennykh gramot i dogovorov, khranyashcheesya v gos. kollegii inostrannykh del [Collection of public charters and treaties, stored in the State. College of Foreign Affairs]. Moscow, 1813–1894.

Starinnye sborniki russkikh poslovits, pogovorok, zagadok i proch. XVII–XIX st. [Old collections of Russian proverbs, sayings, riddles, etc. 17–19th centuries]. Collected by P. Simoni. Sb. ORYaS. St. Petersburg, 1899, vol. 66, no. 7.

Tamozhennye knigi Uspenskogo Tikhvinskogo monastyrya XVII v. [Customs books of the Dormition monastery of the 17th century]. Rukop. LOII. F. 132. Op. 2.

Vesti-Kuranty 1645–1646, 1648 gg. [Vesti-Kuranty 1645–1646, 1648]. N. I. Tarabasova, V. G. Dem'yanov (Prep. of the ed.), S. I. Kotkova (Ed.). Moscow, 1980.

Vykhody gosudarey tsarey i velikikh knyazey Mikhaila Feodorovicha, Aleksey Mikhailovicha, Fedora Alekseyevicha vseya Rusii samoderzhtsev (1632–1682 gg.) [Outputs of Kings and Princes of Russia Michael T., Alexei Mikhailovich, Fedor Alekseevich all autocrats of Russia (1632–1682)]. P. M. Stroeve (Rep.). Moscow, 1844.